

Историю социальных сетей можно было бы начинать с истоков человечества... Историков, подобных Ф. Броделю, привлекает становление и эволюция глобальных сетей торговли и флота...

В современной антропологии успехи сетевого подхода чаще всего связываются с прогрессом в исследованиях науки и технологий, более известных как STS.

СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ

Наталья Богатырь

СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ В АНТРОПОЛОГИИ:

история и современность*

Не так давно я поймала себя на мысли, что рассказывая студентам о поисках альтернатив структурно-функционалистскому подходу, всегда обращаю их внимание на зарождение интерпретивизма, на линию, ведущую от Эванс-Причарда к Гирцу, и почти никогда не вспоминаю о традиции сетевого анализа в британской антропологии. Возможно, поэтому их так впечатляет сетевая «революция», которую во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. начали на границах дисциплины исследователи, изучавшие этнографическими методами развитие науки и технологий (*STS, science and technology studies; ANT, actor-network theory*). Интерес к исследованию социотехнических

сетей подстегивается, с одной стороны, работой переводчиков по донесению современной классики до российского читателя¹ и созданием центров STS-исследований (в Санкт-Петербурге и Томске), в которых уже несколько лет регулярно выступают лидеры этого направления; а с другой – появлением сетевой социальности, стремительным формированием языка и культуры социальных сетей, желанием найти адекватные инструменты для их изучения и осмысления. Вторая аспиранту из знаменитого эссе Бруно Латура (*Латур* 2014а), начинающие антропологи вопрошают: «Нужны ли для исследования новых технологий и социальных сетей особые методы сбора и анализа данных или отдельная «сетевая» теория? Комбинируются ли «сетевые» методы и теории с несетевыми? И вообще, что же такое «сеть» – рабочий инструмент, полезная метафора или усиливающее неопределенность исследователя слово из словаря повседневности?». По другому поводу, но похожие вопросы задавались и раньше, и, возможно, найденные тогда ответы могли бы помочь лучшему пониманию сегодняшней ситуации. Однако, как справедливо отметили еще в 2006 г. Ханна Нокс с коллегами (*Knox et al.* 2006), и истории сетевых подходов, и обсуждению возможной кооперации дисциплин, их практиковавших или практикующих, уделяется удивительно мало внимания. Между тем, сетевому анализу в антропологии уже около 70 лет.

А. Рэдклифф-Браун еще в 1940 г. в контексте описания сложности и разветвленности социальной структуры использовал две метафоры – (социального) поля² и социаль-

ной сети³, которые позже усилиями Реймонда Фёрса и Манчестерской школы превратилась в самостоятельные инструменты антропологического анализа (см., напр., *Никишенков* 2008)⁴. С одной стороны, полевые антропологи того времени в целом отмечали, что между дисциплинарной практикой и доминирующей структурно-функционалистской теорией существует очевидный разрыв. Фёрс писал, что «единицами обследования» для антрополога являются общество, сообщество, культура, а «единицами наблюдения» – множество событий в жизни людей и групп⁵. Чтобы перейти на высокий уровень абстракции, задаваемый теорией, полевому исследователю нужен был инструмент, который бы позволил проводить первичный анализ на более низком уровне с целью упрощения наблюдаемой сложности повседневной жизни. Для Фёрса таким «переходником» между структурой и действием стало понятие «социальной организации» (и используемое как его синоним, понятие «социального поля действия»). В отличие от социальной структуры как стабильной конфигурации, воспроизводящейся во времени, социальная организация/поле социального действия представляет собой множество изменяющихся во времени паттернов социального поведения и отношений. В каждый отдельный момент любой паттерн обладает структурой, но она является гибкой и приспособляется индивидами к конкретным ситуациям взаимодействий⁶.

С другой стороны, многие антропологи, особенно те, кто вели наблюдения в городах, говорили о стремительной трансформации привычного им поля, о росте мобильно-

сти и взаимопроникновении культур. Они отмечали появление новых сообществ, основанных не на родстве и территориальной близости, а на общности профессий, занятий или увлечений. Так, Макс Глакман с коллегами (сначала в институте Родса–Ливингстона (IRL, 1939–1947 гг.), а затем в университете Манчестера) пытался понять, как члены нового африканского «интегрированного общества» на индивидуальном уровне преодолевают ситуации конфликтов, возникающие при столкновении норм традиционных культур с правилами колониальной администрации⁷. Глакман писал, что увидел в Зулулэнде «многоаспектное социальное поле, части которого могли быть слабо интегрированными или практически независимыми друг от друга» (*Gluckman 1968*, цит. по: *Postill 2015*). Для описания работы этого поля он ввел понятия «периферийных/соединяющих связей» (*peripheral/bridging ties*), «личных связей» (*personal ties*) и «личной сети» (*personal network*) как совокупности различных групп, пронизанных связями взаимодействующих людей. В Манчестере идея «интегрированного общества» переросла в теорию «социального поля» (*social field*), а впоследствии связанное понятие «политического поля» получило развитие в тёрнеровской теории «социальной драмы» (см. подробнее об этом, напр., в: *Postill 2015*).

Виктор Тёрнер использовал понятие «политического поля» для реконструкции «социальной драмы» восстания Идальго (1810–1811 гг.) (*Turner 1974*). Эта драма разворачивалась в быстро меняющемся политическом поле, которое создавалось целенаправленным человеческим дей-

ствием. Тёрнер определил политическое поле как «множество отношений между акторами, преследующими общие цели и исповедующими одинаковые ценности». Он утверждал, что социальная драма – это политический конфликт, который происходит внутри социальной группы, но может распространяться и на более широкое, межгрупповое поле, если не было предпринято никаких действий по его прекращению. Конфликт – это неперенный атрибут политического поля; все коалиции, альянсы и совместные действия в политическом поле направлены на поддержание противостояния сторон (*contentious action*) (*Turner 1974*: 128–132). Противостояние разрешается на пространственно ограниченных «аренах», где антагонисты – индивидуальные или корпоративные – сражаются друг с другом и, по итогам сражения, публично принимают свое главное решение (*Turner 1974*: 135). При этом «арена» не накладывается полностью на какой-либо географический район: конфликт распространяется точечно, вместе с информацией, передающейся в социальном поле (*Turner 1974*: 132–133).

Другим концептом, который в рамках концепции «социального поля» активно развивали в 1950–1970-гг. манчестерцы, стала «социальная сеть» (*social network*). Социальную сеть они рассматривали как особый тип структуры (или как специфическую организационную форму⁸), для изучения которой требуются особые инструменты. Главными из них стали ситуационный анализ (*situational analysis*), расширенное исследование случая (*extended case-study*)⁹, а также множество связанных концептов, уточня-

ющих и раскрывающих понятие «социальной сети». Совокупность этих инструментов получила название *антропологического сетевого анализа* (АСА).

Джереми Буасвен, подводя итоги первых 25 лет развития АСА, отметил, что изначальная простота могла бы сделать его очень востребованным не только антропологами, но и другими социальными исследователями, которые изучают различные ситуации социального неравновесия, асимметрию и конфликты в отношениях (*Boissevain* 1979). В самой антропологии довольно быстро определились несколько направлений, где сетевой анализ оказался наиболее продуктивным:

- контрасты между городом и деревней;
- отношения мужчин и женщин;
- трансформация отношений родства в сложных обществах;
- способы привлечения и манипулирования последователями в политике;
- распространение слухов.

В общей характеристике инструментария Буасвен отмечал, что антропологический сетевой анализ:

- рассматривает круги родственников и друзей, коалиции, группы, бизнес, индустрию и даже национальные государства как *сеть* – совокупность соединенных линиями точек, где точки маркируют единицы анализа (индивидов или группы), а линии –

социальные отношения;

- задает вопросы о том, кто с кем связан, каково содержание связей, какие паттерны формируют связи, как связаны эти паттерны и поведение, каковы отношения между паттернами и другими социальными факторами;
- делает акцент на изучении взаимосвязей, взаимозависимостей и их последствий для социального действия с целью прогнозирования поведения;
- позволяет изучать такие формы социальной организации, которые возникают во взаимодействии (патрон-клиентские сети, коалиции лидеров и последователей, клики, фракции, картели и другие временные альянсы на различных социальных уровнях);
- рассматривает родство, соседство, дружбу как сложно переплетающиеся отношения, передавая эту сложность с помощью идеи социального поля как сети сетей¹⁰.

Рассмотрим теперь, как в эмпирических исследованиях 1950-1970-х гг. развивались концепт социальной сети и связанные с ним понятия. В середине 1950-х гг. Джон Барнс определил социальную сеть как совокупность связей, формирующихся между парами людей на основе родства, дружбы и знакомства (*Barnes* 1954: 48)¹¹. Он рассматривал социальную сеть как разновидность социального поля, в котором участники соединены между собой не нормами формальных институтов, а личными связями (см. подробнее: *Никишенок* 2008: 400)¹². Основываясь на полевых наблюдениях над тем, как проявляется классовая

структура в норвежском приходе Бремнес, он выделил несколько характеристик *социальной сети*:

- у нее нет границ и координирующих организаций;
- элементы социальной сети не фиксированы;
- социальная сеть представляет собой множество перекрывающихся личных сетей;
- участники и связи социальной сети постоянно обновляются: одни отношения завязываются, другие разрываются или поддерживаются условно;
- большая часть связей выстраивается самими участниками, меньшая – наследуется (почти в каждую личную сеть включаются родственники);
- подобно билатеральному десценту, личная сеть уникальна и формируется вокруг Эго;
- каждый участник видит себя центром социальной сети, а в классовой структуре относит себя к среднему классу¹³;
- участники сети редко принадлежат к разным социальным классам (хотя иногда социальный статус родственников и соседей по отношению к Эго может отличаться);
- участников сети, с которыми не контактирует непосредственно (Барнс назвал их «друзьями друзей»), Эго в большей вероятностью располагает выше или ниже себя в социальной структуре.

Барнс отмечал, что в каждой сети есть *кластеры* людей, которые связаны друг с другом крепче, чем с другими участниками¹⁴. Для кластера людей одним из способов

демонстрации своей обособленности является формирование *группы*, к которой участник сети либо принадлежит, либо нет. Тем не менее, границы таких внутрисетевых кластеров и групп остаются нечеткими (Barnes 1954: 44).

Еще одно понятие, которое Барнс ввел в 1954 г., это «меш» (*mesh*, «сетка») – размер ячеек сети. В традиционных сообществах ячейки сети мелкие (*small mesh*), в индустриальных – большие (*large mesh*), поэтому в современных обществах, в целом, у людей меньше общих друзей, чем в традиционных. Переводя эту закономерность на язык сети, Барнс писал, что в примитивных культурах большинство связей, исходящих от Эго, довольно быстро к нему возвращаются. В современных обществах это встречается значительно реже (Barnes 1954: 44), что усложняет работу антрополога по всестороннему описанию посттрадиционных урбанизированных культур, где каждый человек формирует разные аудитории для множества исполняемых им ролей. Позже Барнс развил идею малых и больших ячеек в понятии «плотность сети» (*density*) (Barnes 1969: 63), а также предложил ряд аналитических инструментов, которые позволяли охарактеризовать структурные и интеракционные качества социальной сети (Ibid. 55–72). Я вернусь к обсуждению инструментария сетевых антропологических исследований ниже, а пока отмечу, что Барнс одним из первых назвал проблему («как анализировать взаимодействия людей, происходящие за пределами четко проведенных групповых границ?»), решение которой в то время активно искали и антропологи (например, Норман Уиттен и Альвин

Вульф в США (*Whitten, Wolfe* 1974), и представители смежных дисциплин. Одновременно с Барнсом, в США Теодор Каплоу предложил альтернативный социальным сетям квази-групповой концепт «окружений» (*ambiences*) (*Caplow* 1955)¹⁵, а чуть позже Чарльз Кадушин (*Kadushin* 1968; *Kadushin* 2011) использовал близкое по смыслу к «тотальной сети» (см. ниже) понятие «социальных кругов» (*social circles*), объединенных определенными интересами.

Барнс писал, что понятие сети в антропологии служит для описания и анализа социальных процессов, в которых взаимодействующие люди сталкиваются (*impinge on*) друг с другом, пересекая границы деревень, подкаст, линиджей, и становятся частью «общей сети» (*total network*). Общая, или тотальная сеть – это совокупность множества пересекающихся личных сетей, отношения в которых определяются дружбой, родством, покровительством, а не членством в каких-либо группах или местом жительства. Поскольку анализ общей сети возможен только через скрупулезный анализ личных сетей, Барнс раздробил понятие личной сети на несколько более детализированных: «звезда» (*star*)¹⁶, «зона» (*zone*), «неполная сеть» (*partial network*), «неполная звезда» и «неполная зона» (последние три предназначены для изучения взаимодействий участников в определенных контекстах, например, для анализа сетей религиозных культов, обмена и пр.). Если личные сети – это эгоцентрические участки общей сети, то неполные – это её социоцентрические фрагменты. Анализ действия в терминах сети, по мнению Барнса, давал возможность по-

нять различные изменения (например, формирование нового политического лидерства, когда людям приходится делать выбор, искать помощь, информацию). Сходную область применения сетевого подхода очерчивал и Клайд Митчелл, определявший его как инструмент анализа масштабных процессов, в которых сохраняется связь с обычными людьми (*Kapferer* 2005: 112). Таким образом, с помощью понятия социальной сети манчестерцы теоретизировали социальное взаимодействие (*Handelman* 2005: 80) и преодолевали дисциплинарную зацикленность на сообществе и локальности¹⁷. В то же время, более традиционно ориентированные исследователи быстро встроили новый подход в описательные работы в жанре *community studies* (*Young, Willmont* 1957; *Banton* 1966; *Frankenberg* 1966).

В середине 1950-х гг. инструментализацию метафоры социальной сети в контексте городских исследований начала антрополог Элизабет Ботт, которая изучала отношения родства в лондонских семьях. В отличие от своих коллег, она не ставила задачу понять, как работает общество в целом. Ее интересовало, как в современном городе функционирует традиционный институт семьи. Для этого она рассматривала совокупность отношений отдельных членов семей, а затем сравнивала их, чтобы выявить общее в понимании родства. Ботт была первой, кто отметил, что существует, как минимум, два типа личных сетей – сплоченные, плотно-связанные, закрытые (*close-knit, close*) и слабосвязанные, открытые (*loose-knit, open*). Она утверждала, что в плотно-связанных сетях роли мужа и жены обособлены сильнее, чем в слабосвязанных. Это наблю-

дение Ботт многократно уточнялось как антропологами, так и представителями других дисциплин. В социологии самым известным является различие «сильных» (*strong*) и «слабых» связей (*weak ties*), введенное в 1973 году Марком Грановеттером (*Granovetter 1973; Грановеттер 2009*). С выходом в 1957 г. книги Ботт «Семья и социальная сеть» (*Bott 1971*) сетевой подход для интерпретации поведения в различных социальных ситуациях стали использовать многие представители Манчестерской школы (особенно активно: Адриан и Филип Мейеры, Арнольд Ипстейн, Митчелл, чуть позже – Брюс Кепферер). Антропологи сосредоточились не столько на интеракционных факторах (например, стабильности или продолжительности отношений), сколько на структурных характеристиках сети, развивая такие понятия как «плотность» сети (*density*), «уровень связей» (*degree of connection*, т.е. среднее число отношений, которое имеет каждый член сети с другими членами этой же сети), «размер» (*size*) и «центрированность» (*centrality*) сети, «достижимость» участников сети (*reachability*) и т.д.

По признанию Барнса (*Barnes 1969: 76*), сетевой анализ – это один из нечастых в истории антропологии примеров, когда «заточке инструментов» уделялось едва ли не больше внимания, чем их апробации в поле (подробно об этом периоде концептуальной работы см.: *Bott 2003*). В 1960-х гг. антропологи активно обсуждали как общие, так и разработанные для конкретных полей инструменты сетевого анализа, с помощью которых можно было тем или иным способом ограничить изучаемую личную сеть. Далекое не

все понятия и определения были тогда согласованы («квази-группа» (*quasi-group*), «клика» (*clique*), «коалиция» (*coalition*), «патрон-клиентская сеть» (*patron-client chain*), «фракция» (*faction*), «ядро» (*core*), «ограниченность» (*boundedness*), «конечность» (*finiteness*) – далеко не полный перечень спорных понятий). Многие термины дублировали друг друга (например, *cluster/sector/compartment*). Но были и такие, которые получили широкое признание, как, например, термин «подсеть деятельности» (*action-set*), введенный Адрианом Мейером для описания «других», связанных с определенной активностью Эго (*Sanjek 1974: 590*).

В конце 1960 – начале 1970-х гг. результаты этой теоретической и практической работы¹⁸ материализовались в нескольких программных публикациях и сборниках исследований, опиравшихся на понятие «социальных сетей» (*Mitchell 1969; Aronson 1970; Boissevain, Mitchell 1973; Whitten, Wolfe 1974*). Повышенное внимание к разработке терминологии, которое демонстрировали многие авторы, вероятно, и можно назвать необычным для антропологов, но сама идея создания инструмента для «точных» качественных исследований в 1950–1960-х гг. витала в воздухе. Сетевой анализ давал исследователям возможность получить количественные данные. Не только Барнс и Митчелл хотели с помощью математических методов достичь точности и измеримости результатов, обеспечить доказательность гипотез, которые антропологи проверяют в поле, и построить модели, объясняющие, что «действительно происходит» (а не то, что происходит по мнению людей, или

что могло бы происходить) (*Barnes* 1969: 54; *Mitchell* 1974). В том же направлении развивались социологические версии сетевого анализа, а социологи Барни Глезер и Ансельм Страус пытались придать позитивистскую точность этнографическим наблюдениям, пропуская их через формализованные процедуры построения «обоснованной теории» (*Glaser, Strauss* 1967). Многие тогда искали способы для изучения процессов и человеческих взаимодействий, не заложенные в институциональном анализе; всем этим поискам, в большей или меньшей степени, был присущ «школьный» характер (т.е. практики этих подходов ориентировались на немногочисленных лидеров, которые, в свою очередь, поддерживали и направляли работу своих учеников по пути формализации, усложнения метода и терминологии). В каждом случае находились и те, кто предупреждали, что энтузиазм практиков, стремящихся к еще большей строгости, способен навсегда похоронить тот или иной подход как инструмент исследования социальной жизни.

Так, в конце 1970-х гг. Буасвен иронично предсказал АСА скорое соседство с вымершими видами: птицей дронг, неандертальским человеком и социометрией (*Boissevain* 1979: 394). Сквозь разросшиеся концептуальные джунгли он увидел приближающуюся гибель направления, превращение сетевого анализа из инструмента решения социальных и теоретических проблем в эзотерический язык, на котором его носители разговаривают между собой. Буасвен с сожалением отмечал, что умножение концептов, терминов и математических манипуляций отпугивало

потенциальных пользователей АСА. Антропологи, социологи и политологи слишком много, на его взгляд, позаимствовали из математической теории графов, задушив метод жаргоном, теорией и техниками, разработанными для решения других проблем в рамках другой дисциплины (*Boissevain* 1979: 393). Он писал, что «преподносить этот арсенал антропологу, интересующемуся изучением политической мобилизации, все равно, что предлагать компьютерный терминал и самоучитель по сетевому анализу рыбаку, который всего-навсего хочет объяснить своему сыну, как распутать его запутавшуюся сеть»; в большинстве ситуаций полевые антропологи вполне могли обойтись привычной переписью и сводными таблицами.

Две другие опасности развития АСА, которые отмечали в 1970-х гг. Буасвен и Роджер Санджек, – это банализация (*trivialization*) исследовательских результатов и смешение метода с проблемой (т.е. стремление изучать «социальные сети», вместо того, чтобы отвечать с помощью сетевого анализа на антропологические вопросы) (*Sanjek* 1974: 589). Сравнение сетей по размеру, плотности, композиции нередко становилось самоцелью исследователей, а торжественно презентуемые результаты, основывающиеся на дорогих многотысячных выборках, оказывались скучными и очевидными (например, что люди, с которыми индивиды поддерживают отношения за пределами своего домохозяйства, в большинстве случаев являются их родственниками и друзьями).

Наконец, ряд критиков с сожалением констатировали, что несмотря на то, что в АСА был заложен определенный

теоретический потенциал, антропологи, выбравшие путь методологического усложнения, отказались от разработки самостоятельной теоретической рамки (*Boissevain* 1979: 392). Они привязывали АСА к теориям обмена и действия, реже – к теориям доверия (Уиттен и Вольф) или к ролевой теории (Лоуренс Криссман). Митчелл отмечал исключительное единодушие лидеров АСА в оценке возможностей создания собственной теории: «такой вещи, как теория социальных сетей, не существует; возможно, ее никогда и не будет» (Д. Барнс), «в идее социальной сети нет ничего революционного. Это тот тип понятий, которые могут использоваться в разных концептуальных рамках» (Э. Ботт), «социальная сеть – это просто техника сбора данных и анализа» (Б. Капферер) (цит. по: *Mitchell* 1974: 282). Все они рассматривали АСА как ответ на излишний формализм структурно-функционалистского подхода, как возможность более адекватно представить полевые данные и объяснить относительно неструктурированные социальные отношения, которые они наблюдали в сложных обществах (*Mitchell* 1974: 281). Другими словами, они пытались компенсировать недостатки существующего инструмента, а не заменить его новым. Возможно, поэтому они не стремились расширить круг антропологических проблем, к которым применяли АСА. В целом, антропологи продолжали исследовать сообщества и опираться на институциональный анализ, неразрывно связанный со структурным функционализмом; сетевые же подходы использовали преимущественно для изучения кризисных ситуаций и быстрых изменений, вызванных

миграциями, индустриализацией, глобализацией и т.п. (*White* 2006: 3–4).

Исследователи, предпринимавшие попытки охарактеризовать общие особенности АСА (Барнс, Митчелл, Ботт, Санджек, Буасвен и др.), отмечали, что:

- для антропологов сеть является эгоцентрическим концептом, который описывает взаимодействия одного человека с множеством «других» во времени и пространстве; эти «другие» и связи Эго с ними образуют тотальную сеть¹⁹; таким образом, сеть – это не социальная структура, противоположная группе²⁰;
- каждый антрополог вынужден выбирать критерии, в соответствии с которыми он ограничивает личную и тотальную сети для нужд своего исследования; устанавливая эти границы, он операционализирует метод;
- исследователи, как правило, отдают предпочтение либо изучению поведенческой социальной сети (т.е. того, как индивид устанавливает, поддерживает, разрывает отношения и как он распределяет свое время и ресурсы между собой и другими), либо анализу когнитивной социальной сети (т.е. того, как индивид переосмысливает свое место в социальном порядке и переоценивает связи с окружением)²¹;
- поведенческие сетевые методы в разных комбинациях ограничивают время (период взаимодействия Эго с другими), пространство (конкретное место

или ситуация) или специфическую деятельность индивида;

- когнитивные сетевые методы ограничивают личную сеть с помощью распределения «других» либо по категориям значимости, предложенным антропологом (родственники, соседи, лучшие друзья, друзья по работе, члены прихода, и т.п.), либо по тем категориям, которые Эго выбирает самостоятельно.

В 1970-х гг. почти все антропологи (кроме Митчелла и его учеников) отошли от сетевого анализа²², а понятие сети в антропологии стало чаще использоваться как метафора социальных отношений. Периодические всплески интереса к АСА в 1980–2000-х гг. были связаны не столько с попытками переосмысления опыта манчестерской школы, сколько, во-первых, с развитием сетевых подходов в смежных дисциплинах и с ростом возможностей для компьютерной обработки больших массивов данных и графической визуализации сетей, и, во-вторых, с развитием *actor-network theory* – направления в STS, которое условно можно назвать «этнографией науки и технологий».

Как манчестерцы до них, новые поколения исследователей ищут, где в современной антропологии могут использоваться сетевые подходы, какие недостатки привычных методов они способны компенсировать, какую скрытую, неочевидную социальную реальность позволяют исследовать?

Самым значительным (из претендующих на преемственность с манчестерской традицией²⁵) вкладом в этот поиск

является работа математического антрополога Дугласа Уайта и этнографа Уллы Йохансен (*White, Johansen 2006*). Йохансен несколько десятилетий посвятила изучению генеалогии номадических кланов Турции, а Уайт выстроил на ее огромных полевых материалах свою модель АСА. На протяжении многих лет Уайт исследовал структурные свойства сетей и развивал направленные на их описание иерархические концепты структурной сплоченности (*structural cohesion*) и структурной укорененности (*structural embeddedness*²⁴) (*White, Moody 2003*), сплоченных сообществ (*cohesive communities*)²⁵ и «островов» (*cohesive islands*, под которыми он подразумевал сообщества в составе большой сети) и др. (*White, Houseman 2003*). Его интересовало то, как происходит кластеризация сети, превращающая ее в «тесные миры» (*small worlds*²⁶), какую роль в ней играют «сильные» и «слабые» связи, что обеспечивает успешность и управляемость поиска в сети (*searchability, navigability*), где проходят границы сплоченных островов-сообществ и т.п. В исследовании номадических кланов он попытался объяснить характер связей между группами как узнаваемыми совокупностями реальных индивидов и организациями как конфигурациями позиций или отношений.

Опираясь на работу Муррея Лифа (*Leaf 2004*), он отмечал, что организации обычно формируются группами, но группы редко формируют только одну организацию. Фактически, все важные группы в сообществе множественно организованы, что усложняет их этнографическое описание и анализ. Этнографу легко найти группы людей, ко-

торые осознают свою общность в определенном материальном контексте и готовы рассказать о тех обязательствах, которые связывают их между собой. Сложности начинаются, когда нужно выявить не проговариваемые нормы и влияния событий и обязательств, которые существенны для участников в других группах и организациях, членами которых они являются. Уайт пытается с помощью сетевого анализа выделить общие паттерны групповых взаимодействий, которые связывают людей во всей социальной сети, а затем сравнить результаты с соответствующими организационными правилами, чтобы описать человеческое поведение и в контексте изменчивости, и в контексте устойчивости (*White, Johansen 2006: 37–38*). Продолжая свою предыдущую работу, Уайт обращается к свойству структурной сплоченности и вводит новое понятие, динамически связывающее структуру и поведение, – «эмерджентная сплоченная группа» (*emergent cohesive group*)²⁷. Он наделяет сплоченные группы качествами организации и утверждает, что такие структурированные субгруппы (а также их появление, поддержание, изменение и влияние на конфигурацию структуры сети) должны стать главным предметом АСА.

Сетевой анализ Уайта, безусловно, тяготеет к эзотерическим практикам предшественников²⁸. Повторить его впечатляющий и трудоемкий эксперимент сможет позволить себе далеко не каждый: как минимум, потребуется огромный массив этнографических данных (и, как в случае материалов Йохансен, сетевая методология, скорее всего, будет применяться к ним не на стадии сбора, а ретроспек-

тивно). В то же время, в последние тридцать лет и в науке, и за пределами научных дискуссий метафора сети приобрела такую популярность, что не могли не появиться менее позитивистские антропологические подходы к изучению многочисленных сетевых феноменов или попытки рассмотреть несетевые по сути явления в терминах сети. Самым модным способом по-новому говорить о сетях в конце 1980–1990-х гг. стала акторно-сетевая теория (АСТ). О развитии этого направления написано много, поэтому я ограничусь краткой справкой, чтобы пояснить, как мне видятся связи АСТ с АСА. Хотя последний был продуктом британского структурного функционализма, а первая тесно связана с французской социальной теорией и выросла из классической «этнографии науки»²⁹, их основатели преследовали близкие цели: сформировать наборы методологических инструментов для этнографического описания того, как создаются, поддерживаются и изменяются связи³⁰. Лидеры АСА и АСТ часто подчеркивали, что создавали подходы, а не теории. Определённую близость можно увидеть и в том, что главный интерес исследователей был направлен на изучение ситуаций неравновесия, изменений, конфликтов и борьбы. Однако АСТ-авторы гораздо ближе к интерпретативной антропологии (чем к структурно-функциональной) в своей принципиальной ориентации на качественный анализ и в том внимании к этнографическому тексту, которое неоднократно отмечал Бруно Латур. Так, например, в статье «Политики объяснения: альтернатива» он писал, что «рефлексивный характер нашего направления в будущем будут узнавать

по разнообразию жанров» (цит. по: *Czarniawska* 2009: 159)³¹.

В отличие от АСА, важнейшим для АСТ стало понятие «актора», которым обозначался не (или не только) Эго – действующий индивид, а, в духе «этнографии лабораторий», любой человеческий или нечеловеческий участник сети³². Таким нечеловеческим актором, по определению, являлось и пространство, физическая локальность. Надевание «нечеловеков» способностью действовать – до сих пор является одним из наиболее обсуждаемых положений АСТ (из недавних работ см., напр.: *Sayer* 2014). Теоретическое влияние на направление оказали семиотика и дискурс-анализ (понятие актанта – дискурсивной единицы, наделенной ролью – было заимствовано Латуром у Альгирдаса Греймаса), а также идеи Мишеля Сёрра (одним из центральных в АСТ стало сёрровское понятие «перевода» (*translation*) как совокупности переговоров, интриг, калькуляций и борьбы, благодаря которым акторы или силы приобретают авторитет действовать от имени других акторов или сил). В то же время, утверждение равноправия (симметрии) людей, вещей, гибридов и феноменов различной природы можно рассматривать в широком контексте «поворота к материальному», который в западной антропологии особенно ясно обозначился с появлением ставшего знаменитым сборника «Социальная жизнь вещей» (*Appadurai* 1986).

Методически, уравнивание людей и «нечеловеков» означало, что АСТ-исследователи задавали ориентацию на анализ не личной, а гетерогенной тотальной сети, и по-

своему решали задачи определения ее границ. Поскольку опираться на категории, важные для таких акторов, было сложно, антрополог должен был ориентироваться на свое субъективное ощущение полноты изучаемой сети (больше того – буквально доверять своим ногам, т.к. ему предлагалось «следовать за вещами», нечеловеческими акторами). Латур писал, что сигналом того, что исследователь нашел всех человеческих и нечеловеческих акторов своего поля и проследил сложное переплетение их взаимосвязей, служит такое этнографическое описание, которое способно без привлечения внешних теорий объяснить наблюдаемую ситуацию (см. подробнее в: *Латур* 2014а). Так, стевен еще одну границу (на этот раз – между методом и теорией), лидер АСТ разрешил для своего направления проблеме поиска адекватной теоретической рамки.

Представители АСА и АСТ по-разному определяли критерии выбора своего метода для того или иного исследования. Так, манчестерские антропологи видели в сетевом анализе инструмент, позволяющий исследователю выйти за пределы традиционной этнографической локальности через изучение удаленных участков сети («друзья друзей»), группы же, доступные непосредственному наблюдению, антрополог мог изучать с помощью несетевых инструментов. Ко времени же формирования АСТ сетевые формы организации стали привлекать все большее внимание социальных исследователей. Началось широкое распространение сетевых форм занятости (преимущественно, в сфере торговли), развитие информационно-коммуникационных технологий, рынков удаленного тру-

да и образования, и – главное – формирование глобально-го феномена, получившего название «сетевой социальности», в котором потерялась прежде четкая граница между «социальным» и «технологическим». Возможно, поэтому АСТ-теоретики предпочли развести анализ и феномен, изучая как сеть то, что не выглядит и не определяет себя как сеть.

В то же время многие исследователи из различных дисциплин³³ и практических полей сделали выбор в пользу феномена (т.е. сети как особой культурной формы, влияние которой все сильнее ощущается в современном мире). Такой выбор ставит перед ними новые методические и теоретические проблемы. Исследователям, выбравшим «сетевую социальность» в качестве своего объекта, приходится учитывать рекурсивный характер современных сетевых сообществ³⁴ и формировать аналитический язык, отличный от языка информантов³⁵, адаптировать под новые задачи исследовательские методы³⁶, подбирать совместимые с ними теории³⁷ и, возможно, даже задумываться о создании новых пакетов «метод-теория».

Примечания

* Наталья Викторовна Богатырь – старший преподаватель факультета социологии НИУ ВШЭ, научный сотрудник Центра STS ЕУСПб; e-mail: nbogatyry@hse.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта Правительства Российской Федерации (договор № 14.U04.51.0001, Европейский университет в Санкт-Петербурге, ведущий ученый – проф. Ма-

рио Биаджоли).

1. Самой значительной «новинкой» обещает стать перевод книги Джона Ло (Ло 2015). До этого были опубликованы переводы других важных работ Ло и Бруно Латура (Латур 2014; Латур 2006а–г; Ло 2006).

2. Он вводит количественную характеристику структурных систем, которую называет «величиной общего поля социальных отношений», и, в зависимости от числа социальных контактов личности в наблюдаемом обществе, различает системы с узким и с широким общим полем социальных отношений (Рэдклифф-Браун 2001: 235).

3. «Я использую термин «социальная структура» для обозначения такой сети реально существующих отношений» (Рэдклифф-Браун 2001: 221).

4. В социологии историю сетевого анализа часто начинают с 1930-х гг., когда Дж. Морено предложил «социометрию» как инструмент изучения структуры малых групп, в основе которых лежат отношения дружбы и неформальные взаимодействия. В американской социальной психологии с сетевым анализом связывают работы А. Бавеласа, Л. Фестингера, Д. Картрайта и А. Зандера (1940–1950 гг.). См. подробнее в: (Scott 1988). О развитии сетевых методов в социологии см.: Barabasi 2002; Freeman 2004; Watts 2004 и др.

5. Сам Фёрс определил эти единицы наблюдения как «совокупность людей, участвующих в общей деятельности и связанных многочисленными отношениями таким образом, что цели любого индивида могут быть достигнуты только путем участия в действии совместно с другими»

(см.: *Firth* 2001a–г).

6. «...говоря о социальной организации мы имеем дело не с какой-то определенной обособленной организацией. Наш анализ относится к полю социального действия, определяемого в терминах последовательности паттернов» (*Firth* 1955: 2), «он подчеркивает, что социальное действие выражается через индивидуальное действие», отражая множественность выборов и решений, принимаемых в не жёстко структурированных ситуациях. По сути, Фёрс предлагает рассматривать социальную организацию как неформальную сторону социальной структуры, гибкость которой поддерживает формальную (*Ibid.* 3).

7. История и хронология антропологических исследований 1930-1960-х гг. в IRL описаны в монографии Лин Шумахер (*Schumaker* 2001).

8. Некоторые современные антропологи тоже рассматривают сеть как особую культурную/социальную форму (см., напр.: *Riles* 2001).

9. См., напр., *Evans, Handelman* (Eds.) 2008 (сборник, суммирующий манчестерский опыт развития ситуационного анализа и расширенного исследования случая; ранее большая часть его статей была опубликована в спецвыпуске журнала *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice* (2005. Vol. 49. No.3), а также: *Van Teeffelen* 1978; *Mitchell* 1983; *Kempny* 2005 и др.

10. Между тем, были исследователи, которые определяли сети и поля иначе. Так, например, в 1964 г. американский антрополог Эдвард Джей предлагал закрепить за эгоцентрической сетью общее понятие «поле», а отноше-

ния индивида с другими людьми или группами его сети в контексте той или иной деятельности рассматривать как специфические поля (*activity fields*), которые имеют смысл только для исследуемого человека и не обладают качествами единства или сплоченности. Сетью же он предлагал называть обладающую четкими границами совокупность людей, групп или сообществ, вовлеченных в ту или иную деятельность (*Jay* 1964: 138).

11. К этому времени он сменил университет Манчестера на Лондонскую школу экономики.

12. Барнс обозначает ее словом *network* и отмечает, что первоначально, вслед за М. Фортесом (который в 1940 г. высказал идею о том, что «связи родства и свойства создают сеть – *web*, – объединяющую унилинейные десцентные группы» (цит. по: *Bott* 2002: 313), использовал слово *web*, но затем отказался от него, поскольку для многих оно ассоциируется с сетью паука, ему же хотелось продемонстрировать, что сеть не имеет единого центра. Он пишет: «Образ, который я себе представляю, это множество точек, *некоторые* из которых соединены линиями. Точки – это люди (или иногда – группы), а линии демонстрируют, кто с кем взаимодействует» (*Barnes* 1954: 43; *курсив добавлен*). Барнс говорит, что, конечно, мы можем применить этот образ к социальной жизни в целом, но предлагает в аналитических целях ограничить число элементов и связей, исключив из общей/тотальной сети все группы и кланы, которые принадлежат территориальному и индустриальному полям. В случае Бремнеса, оставшиеся отношения – это связи родства, соседства и дружбы, многие из

которых даже в таких небольших сообществах выходят за пределы территориальной и индустриальной систем (полей).

13. Исследование Барнса отчетливо показало, что такие аналитические категории как «класс», почти не находят соответствий в повседневной жизни людей.

14. В современном сетевом анализе под кластерами понимают сегменты сети с высокой плотностью. Если связи внутри кластера сильные, такие кластеры часто называют «кликами» (*cliques*) (см., напр.: *Burt 1980: 79*).

15. Каплоу описал такие свойства сетей/окружений как размер (*size*), плотность (*density*), *соединение (articulation)*, *эластичность (elasticity)*, протяженность (*duration*) и гомогенность (*homogeneity*) (*цит. по: Bott 2003: 315*).

16. Как отмечает Джон Скотт, восходящее к социометрии Дж. Морено понятие «звезды» (популярного индивида как центра притяжения в малых группах) получило большее развитие в социологических версиях сетевого анализа. Британские антропологи в дискуссиях 1950–1960 гг. наибольшее внимание уделяли понятию «плотности» сети (*Scott 1988: 114; Barnes 1969*).

17. Как отмечал Кепферер, эта зацикленность часто приводила к тому, что антропологи искали и находили «сообщество» даже там, где его не было (*Kapferer 2005: 112*).

18. Примечательно, что авторы большинства эмпирических исследований использовали понятие «социальной сети» ретроспективно, на стадии анализа, а не сбора данных (*Mitchell 1974: 287*).

19. Не только АСА 1950–1970 гг., но и большинство современных сетевых подходов ориентированы на личные сети, «на расширенную модель отношений «лицом-к-лицу». Выход за пределы эгоцентрических сетей и изучение реакций на действия, отдаленные во времени и пространстве, в сетевом анализе только начинаются (*Glaeser 2005: 25*).

20. Любопытно, что Митчелл особенно важным для АСА считал понятие «актор», хотя в дискуссии 1970-х гг. вокруг этого понятия широкого обсуждения не сложилось (*Sanjek 1974: 595*). В 1980–1990-х гг. концепт «актор» стал центральным для акторно-сетевой теории.

21. Санджек отмечал, что некоторые антропологи на разных этапах исследования исследуют разные сети. В частности, как смешанное он характеризовал исследование Ботт, поскольку вначале она ориентировалась на когнитивную сеть и просила своих информантов распределить значимые для них контакты по трем категориям (родственники, друзья и соседи), а затем задавала поведенчески-ориентированные вопросы (например, как часто тот или иной супруг встречается с членами своей сети, относящимися к разным категориям) (*Sanjek 1974: 590–591*).

22. С одной стороны, объяснением этого затишья может быть то, что 1970-е гг. стали временем расцвета интерпретивистских подходов, с другой стороны, как в случае с «обоснованной теорией» в социологии, сетевой анализ в антропологии оказался слишком тесно связан с конкретной школой, с методологией ситуационного анализа, с традицией манчестерских семинаров и с героическими

учителями: сначала с Глакменом («*Gluckman-oriented network*», – шутили о себе манчестерцы), затем – с Митчеллом.

23. Под преемственностью в этом случае я имею в виду не столько выбор традиционного для антропологии кейса – отношений родства, сколько инструментальное использование понятия сети, разработку собственного концептуального аппарата, а также опору уайтовского анализа на математические методы и структурно-функционалистскую логику (в соответствии с которой сеть – это механизм стабилизации и упорядочивания отношений, а задача аналитика – выделение устойчивых паттернов взаимодействий, которые оказывают наибольшее влияние на различные процессы, происходящие в сети (*Glaeser 2005: 23–24*).

24. Укорененность – концепт, введенный экономическим социологом Марком Грановеттером для описания включенности, вписанности экономического действия в социальную структуру/в культуру, является сегодня, вероятно, одним из самых популярных в социальных науках.

25. Понятие «сплоченной группы» в социологии часто используется как синоним сообщества.

26. Теория тесного мира (более известная как теория шести рукопожатий) была сформулирована американскими психологами Стэнли Милгрэмом и Джеффри Трэверсом в 1969 г. на основе эксперимента, в ходе которого 300 добровольцев задействовали свои социальные сети, чтобы передать конверт незнакомцу, проживающему

в другом городе (*Travers, Milgram 1969*). Каждый из 60-ти полученных адресатов конвертов в среднем прошел по цепочке из пяти человек. По мере развития технологий связи, теория многократно проверялась: пользователи электронной почты и Facebook достигали незнакомых людей через те же пять шагов-рукопожатий в социальной сети.

27. Уайт различает структурно-сплоченные группы и клики. Клики для него – это локальные эмерджентные группы, в которых все участники связаны друг с другом отношениями дружбы. Этнограф может идентифицировать их без сетевого анализа, с помощью наблюдения и интервью. Чаще всего, люди прямо указывают на то, членами каких клик они являются. Иногда клики являются «безымянными группами», но даже в таких случаях их легко обнаружить, опираясь только на местное знание: начать с одного человека, узнать, кто его друзья, а затем создать субграфы, которые покажут взаимно связанных друзей. Проблема для этнографа состоит в том, что в среднего размера сети может быть сотня клик, и каждая пара отношений может перекрываться множеством способов (то же характерно для фракций как секретных групп).

28. Хотя есть и существенное отличие: Уайта интересуют не столько личные/эгоцентрические сети, сколько наиболее структурированные участки тотальной сети. Этот интерес сближает его с теми версиями сетевого анализа, которые развивались в социологии и получили обобщённое название «социального сетевого анализа»

(*social network analysis, SNA*).

29. Этнография науки – одно из направлений в социальных исследованиях науки, сторонники которого пытались показать, что научные факты, «открываемые» в лабораториях, социально конструируются учеными в процессе повседневных взаимодействий. Классической работой этого направления, развивавшегося в рамках общего для социальных наук прагматического поворота, стала вышедшая в 1979 г. «Лабораторная жизнь: социальное конструирование научных фактов» Бруно Латура и Стива Вулгара (*Latour, Woolgar 1986*), в которой был применен «наивный» этнографический подход к изучению деятельности биохимической лаборатории. Латур и Вулгар описали лабораторию как сеть пересекающихся силовых связей и продемонстрировали, что социальные факторы являются важнейшей частью научных практик. В трактовке авторов наука предстает как особая система убеждения, борьба ученых за утверждение своей позиции, которая (в случае успеха) приводит к принятию на веру научным сообществом (и обществом в целом) сконструированных учеными «фактов». Латур и Вулгар выделяют шесть главных элементов лабораторных практик: «конструирование» (*construction*), «состяжание» (*agonistic*), «материализация» (*materialization*), обеспечение «достоверности», «убедительности» (*credibility*), «среда» (*circumstances*), «фон» (*noise*) (*подробнее см., напр., Хархордин 2006*). По мнению авторов, во всех этих практиках активную и равноправную роль играют не только исследователи, но и неодушевленные акторы – лабораторное оборудование, инструменты, реги-

стрирующие приборы, записи и журналы, препараты, микробы, атомы, эпидемии, правительства, организации и т.д.

30. Как отдельное и активное направление АСТ возникло в 1988 г. и просуществовало до 1999 г. Представлено четырьмя основными авторами: Бруно Латуром, Джоном Ло, Мишелем Каллоном и Анн Мари Молл. Тематически, интересы АСТ оказались шире «лабораторий» и включали науку (в том числе, ее историю), технологии, а позже – сложные организации, экспертизу и различные рынки (направление АСТ, иногда называемое «антропологией экономизации» или «антропологией маркетинга»), продолжало активно развиваться и после 1999 г. См., напр.: *Callon 1998a, 1998b, 1999; Callon et al. 2002; Callon, Muniesa 2005; Callon 2007a, 2007b; Callon, Rabeharisoa 2008*).

31. Лидеры АСТ не стремятся выстроить преемственность с какой-либо антропологической традицией, но многие антропологи отмечают близость подходов и считают работы акторно-сетевых теоретиков стимулирующими для развития своей дисциплины, которая активно выходит за пределы традиционно очерченного исследовательского поля.

32. Стоит отметить, что общепринятый акроним (ANT) – это результат неудачного перевода малоизвестных англоязычному миру в начале 1980-х гг. концептов французской теории (так *actant*, обозначающий любое человеческое или нечеловеческое действующее лицо, превратился в актора (*actor*), а *reseau* – в сеть (*network*). Позже Латур не раз заявлял о желании заменить *network* на *worknet* (ве-

роятно, чтобы четче обозначить сосредоточенность метода на взаимодействии участников, а не на сети как видимой организационной форме).

33. Причем, многие из тех, кто активно изучал локальные сообщества (напр., Wellman, Leighton 1979; Wellman, Wortley 1990; Amin 2005; Clark 2009 и др.), быстро включились в исследования персонализированных сообществ (Pahl, Spencer 2010), кибер/онлайн/интернет-сообществ (Wellman 2001; Wilson, Peterson 2002; Costa 2005; Willson 2010; Postill 2008; Piselli 2007), гипер-медиа организаций (Howard 2002) и пр. Стремительно растет число антропологических работ. Недавнюю хорошую подборку см. в: Horst, Miller 2012.

34. Нокс, Сэвидж и Харви (Knox et al. 2006: 114–115) не случайно обращают внимание на работу антрополога Аннелизы Райлз (Riles 2001), в которой она еще в 2001 г. охарактеризовала сеть как рекурсивную, рефлексивную культурную форму. Позже, в 2008 г., о рекурсивном характере «аудиторий» (*recursive publics*), создаваемых компьютерными энтузиастами в Интернете для совместного создания программного обеспечения писал другой антрополог, Крис Келти (Kelty 2008; Богатырь 2012а).

35. Например, некоторые понятия АСА скорее осложняют работу сегодняшнего сетевого антрополога. Когда я представляю студентам понятие «друзья друзей» как аналитический инструмент, по рядам завсегдаев «Фэйсбука» и «ВКонтакте» прокатывается волна безудержного веселья.

36. Этнографию часто называют в числе наиболее гиб-

ких и настраиваемых инструментов исследователя «сетевой социальности» и «сетевых сообществ». Так появились *technography*, *netnography*, *blography* и другие (иногда – брендированные) адаптации антропологического метода. В целях экономии времени читателя, я не буду давать здесь их характеристику, поскольку у меня была возможность сделать это прежде (Богатырь 2012б).

37. Мне представляются любопытными размышления Джона Постилла, разводящего устойчивые сферы практик и неустойчивые сферы действий (войны, протесты и т.п.) как крайние точки континуума. Понятия «сообщество», «публичная сфера», «сеть», на его взгляд, утрачивают операциональность, т.к. носят эмоциональный и предписывающий характер, описывая феномены, тяготеющие к полюсу «практик» («как должно быть»). Для описания полюса неустойчивости Постилл ищет «нейтральное» понятие, способное пролить свет на «действительное» положение дел. В качестве такого понятия он предлагает концепт «поля», в котором синтезированы понимания двух разных «полевых» традиций (манчестерской школы и П. Бурдьё) (см. подробнее в: Postill 2008).

Библиография

- Богатырь 2012а – Богатырь Н.В. Рец. на: Christopher M. Kelty. Two Bits: The Cultural Significance of Free Software. Durham, London: Duke University Press, 2008. 378 p. // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 178–181.

- Богатырь 2012б* – *Богатырь Н.В.* Антропология организаций и сетевых сообществ: история и современность // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 3–12.
- Грановеттер 2009* – *Грановеттер М.* Сила слабых связей (перевод З.В. Котельниковой) // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.
- Латур 2014* – *Латур Б.* Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 380 с.
- Латур 2014а* – *Латур Б.* О сложности быть акторно-сетевым теоретиком: интерлюдия в форме диалога // Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 197–219.
- Латур 2006а* – *Латур Б.* Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с франц. Д.Я. Калугина. СПб.: Издательство Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.
- Латур 2006б* – *Латур Б.* Об интеробъективности // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В.С. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2006. С. 169–198.
- Латур 2006в* – *Латур Б.* Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В.С. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2006. С. 199–222.
- Латур 2006г* – *Латур Б.* Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В.С. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2006. С. 342–362.
- Ло 2015* – *Ло Дж.* После метода: беспорядок и социальная наука / Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой. Науч. ред. С. Гавриленко. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Ло 2006* – *Ло Дж.* Объекты и пространства // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В.С. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2006. С. 223–243.
- Никишенков 2008* – *Никишенков А.А.* История британской социальной антропологии. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008. 496 с.
- Рэдклифф-Браун 2001* – *Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе: Очерки и лекции / С предисловием Э.Э. Эванс-Причарда и Ф. Эггана. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 304 с.
- Фирт 2001б* – *Фирт Р.* Структура и организация в малом сообществе (начало) // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. 3. Вып. 1 (7). С. 120–136.
- Фирт 2001в* – *Фирт Р.* Структура и организация в малом сообществе (продолжение) // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. 3. Вып. 2 (8). С. 146–172.
- Фирт 2001г* – *Фирт Р.* Структура и организация в малом сообществе (продолжение) // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. 3. Вып. 3 (9). С. 118–140.

- Фирт* 2001г – *Фирт Р.* Структура и организация в малом сообществе (окончание) // *Личность. Культура. Общество.* 2001. Т. 3. Вып. 4 (10). С. 189–206.
- Хархордин* 2006 – *Хархордин О.* Предисловие редактора // Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. С.5–56.
- Amin* 2005 – *Amin A.* Local Community on Trial // *Economy and Society.* 2005. Vol. 34. Pp. 612–633.
- Appadurai* 1986 – *Appadurai A.* Introduction: Commodities and the Politics of Value // *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective* / Ed. A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. Pp. 3–63.
- Aronson (Ed.)* 1970 – *Aronson D.R.* Editor's Preface // *Canadian Review of Social Anthropology.* 1970. Vol. 7. No. 4. Pp. 221–225.
- Banton (Ed.)* 1966 – *The Social Anthropology of Complex Societies* / Ed. M. Banton. London: Tavistock, 1966. 156 p.
- Barabasi* 2002 – *Barabasi A-L.* Linked: The New Science of Networks. Cambridge, MA: Perseus, 2002. 280 p.
- Barnes* 1954 – *Barnes J.A.* Class and Committees in a Norwegian Island Parish // *Human Relations.* 1954. Vol. 7. Pp. 39–58.
- Barnes* 1969 – *Barnes J.A.* Networks and Political Process // *Social Networks in Urban Situations: Analysis of Personal Relationships in Central African Towns* / Ed. C.J. Mitchell. Manchester: Manchester University Press, 1969. Pp. 51–76.
- Boissevain* 1979 – *Boissevain J.* Network Analysis: A Reappraisal // *Current Anthropology.* 1979. Vol. 20. No. 2. Pp. 392–394.
- Boissevain, Mitchell (Eds.)* 1973 – *Network Analysis. Studies in Human Interaction* / Eds. J. Boissevain, J.C. Mitchell. The Hague: Mouton, 1973. 271 p.
- Bott* 1955 – *Bott E.* Urban Families: Conjugal Roles and Social Networks // *Human Relations.* 1955. Vol. 8. No.4. Pp. 345–384.
- Bott* 1971 – *Bott E.* Family and Social Network. 2nd ed. London: Tavistock, 1971. 252 p.
- Bott* 2003 – *Bott E.* Family and Social Network. Reprint edition. Oxford: Routledge, 2003. 400 p.
- Callon* 1998a – *Callon M.* Introduction: The Embeddedness of Economic Markets in Economics // *The Laws of the Markets* / Ed. M. Callon. Oxford: Blackwell, 1998. Pp. 1–57.
- Callon* 1998b – *Callon M.* An Essay on Framing and Overflowing: Economic Externalities Revisited by Sociology // *The Laws of the Markets* / Ed. M. Callon. Oxford: Blackwell, 1998. Pp. 244–269.
- Callon* 1999 – *Callon M.* Actor-Network Theory – the Market Test // *Actor Network Theory and After.* Eds. J. Law, J. Hassard. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. Pp. 181–195.
- Callon et al.* 2002 – *Callon M., Méadel C., Rabeharisoa V.* The Economy of Qualities // *Economy and Society.* 2002. Vol. 31. No. 2. Pp. 194–217.

- Callon* 2005 – *Callon M., Muniesa F.* Economic Markets as Calculative Collective Devices // *Organization Studies*. 2005. Vol. 26. No. 8. Pp. 1229–1250.
- Callon* 2007a – *Callon M.* What Does It Mean to Say That Economics Is Performative? // *Do Economists Make Markets? On the Performativity of Economics*. Eds. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu. Princeton: Princeton University Press, 2007. Pp.311–357.
- Callon* 2007b – *Callon M.* An Essay on Growing Contribution of Economic Markets to the Proliferation of the Social // *Theory, Culture & Society*. 2007. Vol. 24. No. 7–8. Pp. 139–163.
- Callon, Rabeharisoa* 2008 – *Callon M., Rabeharisoa V.* The Growing Engagement of Emergent Concerned Groups in Political and Economic Life // *Science, Technology, & Human Values*. 2008. Vol. 33. No. 2. Pp. 230–261.
- Caplow* 1955 – *Caplow T.* The Definition and Measurement of Ambiences // *Social Forces*. 1955. Vol. 34. No.1. Pp. 28–33.
- Czarniawska* 2009 – *Czarniawska B.* STS Meets MOS // *Organization*. 2009. Vol. 16. No. 1. Pp. 155–160.
- Clark* 2009 – *Clark A.* From Neighbourhood to Network: A Review of the Significance of Neighbourhood in Studies of Social Relations // *Geography Compass*. 2009. Vol. 3. No. 4. Pp. 1559–1578.
- Cole* 1977 – *Cole J.W.* Anthropology Comes Part-way Home: Community Studies in Europe // *Annual Review of Anthropology*. 1977. Vol. 6. Pp. 349–378.
- Costa* 2005 – *Costa R. da.* On a New Concept of Community: Social Networks, Personal Communities and Collective Intelligence // *Interface (Botucatu)*. 2005. Vol. 9. No. 17. Pp. 235–248. [Электронный ресурс.] URL: http://www.scielo.br/scielo.php?pid=S1414-32832005000200003&script=sci_arttext&tlng=en
- Evens, Handelman (Eds.)* 2008 – The Manchester School. Practice and Ethnographic Praxis in Anthropology / Eds. T.M.S. Evens, D. Handelman. N.Y.: Berghahn Books, 2008. 344 p.
- Firth* 1955 – *Firth R.* Some Principles of Social Organization // *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1955. Vol. 85. No. 1/2. Pp. 1–18.
- Frankenberg* 1966 – *Frankenberg R.J.* Communities in Britain. Harmondsworth: Penguin, 1966. 313 p.
- Freeman* 2004 – *Freeman L.C.* The Development of Social Network Analysis: A Study in the Sociology of Science. Vancouver: Empirical Press, 2004. 208 p.
- Glaeser* 2005 – *Glaeser A.* An Ontology for the Ethnographic Analysis of Social Processes: Extending the Extended-Case Method // *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice*. 2005. Vol. 49. No. 3. Pp. 16–45.
- Glaser, Strauss* 1967 – *Glaser B., Strauss A.* The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. Chicago: Aldine Publishing, 1967. 271 p.
- Gluckman* 1968 – *Gluckman M.* Analysis of a Social Situation in Modern Zululand. 2nd ed. Manchester: Manchester University Press, 1968. 77 p.

- Granovetter* 1973 – *Granovetter M.* The Strength of Weak Ties // *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78. No. 6. Pp. 1360–1380.
- Handelman* 2005 – *Handelman D.* The Extended Case: Interactional Foundations and Prospective Dimensions // *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice*. 2005. Vol. 49. No. 3. Pp. 61–84.
- Horst, Miller* (Eds.) 2012 – *Digital Anthropology* / Eds. H.A. Horst, D. Miller. L., N.Y.: Bloomsbury, 2012. 316 p.
- Howard* 2002 – *Howard P.N.* Network Ethnography and the Hypermedia Organization: New Media, New Organizations, New Methods // *New Media & Society*. 2002. Vol. 4. No. 4. Pp. 550–574.
- Jay* 1964 – *Jay E.J.* The Concepts of 'Field' and 'Network' in Anthropological Research // *Man*. 1964. Vol. 64. Pp. 137–139.
- Kadushin* 1968 – *Kadushin Ch.* Power, Influence and Social Circles: A New Methodology for Studying Opinion Makers // *American Sociological Review*. 1968. Vol. 33. No. 5. Pp. 685–699.
- Kadushin* 2011 – *Kadushin Ch.* Understanding Social Networks: Theories, Concepts, and Findings. Oxford: Oxford University Press, 2011. 264 p.
- Kapferer* 1987 – *Kapferer B.* The Anthropology of Max Gluckman // *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice*. 1987. No. 22 (Power, Process and Transformation: Essays in Memory of Max Gluckman). Pp. 3–21.
- Kapferer* 2005 – *Kapferer B.* Situations, Crisis, and the Anthropology of the Concrete: The Contribution of Max Gluckman // *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice*. 2005. Vol. 49. No. 3. Pp. 85–122.
- Kelty* 2008 – *Kelty Ch. M.* Two Bits: The Cultural Significance of Free Software. Durham, London: Duke University Press, 2008. 378 p.
- Kempny* 2005 – *Kempny M.* History of the Manchester 'School' and the Extended-Case Method // *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice*. 2005. Vol. 49. No.3. Pp. 144–165.
- Knox et al.* 2006 – *Knox H., Savage M., Harvey P.* Social Networks and the Study of Relations: Networks as Method, Metaphor and Form // *Economy and Society*. 2006. Vol. 35. No. 1. Pp. 113–140.
- Latour, Woolgar* 1986 – *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press, 1986. 296 p.
- Leaf* 2004 – *Leaf M.J.* Cultural Systems and Organizational Processes: Observations on the Conference Paper // *Cybernetics and Systems: An International Journal*. 2004. Vol. 35. No. 2-3. Pp. 289–313.
- Mitchell (Ed.)* 1969 – *Social Networks in Urban Situations: Analysis of Personal Relationships in Central African Towns* / Ed. C.J. Mitchell. Manchester: Manchester University Press, 1969. 378 p.
- Mitchell* 1974 – *Mitchell C.J.* Social Networks // *Annual Review of Anthropology*. 1974. No. 3. Pp. 279–299.
- Mitchell* 1983 – *Mitchell C.J.* Case and Situation Analysis // *The*

- Sociological Review. 1983. Vol. 31. No. 2. Pp. 187–211.
- Pahl, Spencer* 2010 – *Pahl R., Spencer L.* Family, Friends and Personal Communities: Changing Models-in-the-mind // Working Papers. Institute for Social and Economic Research, University of Essex. 2010. No. 2010-01. 25 p.
- Piselli* 2007 – *Piselli F.* Communities, Places, and Social Networks // American Behavioral Scientist. 2007. Vol. 50. No. 7. Pp. 867–878.
- Postill* 2008 – *Postill J.* Localizing the Internet Beyond Communities and Networks // New Media & Society. 2008. Vol. 10. No. 3. Pp. 413–431.
- Postill* 2015 – *Postill J.* Fields: Dynamic Configurations of Practices, Games and Socialities // Thinking Through Sociality: An Anthropological Interrogation of Key Concepts / Ed. V. Amit. Oxford: Berghahn Books, 2015. 224 p.
- Riles* 2001 – *Riles A.* The Network inside Out. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001. 272 p.
- Sanjek* 1974 – *Sanjek R.* What is network analysis, and what is it good for? // Reviews in Anthropology. 1974. Vol. 1. No. 4. Pp. 588–597.
- Sayes* 2014 – *Sayes E.* Actor-Network Theory and methodology: Just what does it mean to say that nonhumans have agency? // Social Studies of Science. 2014. Vol. 44. No. 1. 134–149.
- Scott* 1988 – *Scott J.* Social Network Analysis // Sociology. 1988. Vol. 22. No. 1. Pp. 109–127.
- Schumaker* 2001 – *Schumaker L.* Africanizing Anthropology: Fieldwork, Networks, and the Making of Cultural Knowledge in Central Africa. Durham: Duke University Press. 376 p.
- Travers, Milgram* 1969 – *Travers J., Milgram S.* An Experimental Study of the Small-World Problem // Sociometry. 1969. Vol. 32. Pp. 425–443.
- Turner* 1974 – *Turner V.* Hidalgo: History as Social Drama // Dramas, Fields, and Metaphors: Symbolic Action in Human Society. Ithaca: Cornell University Press, 1974. Pp. 98–155.
- Van Teeffelen* 1978 – *Van Teeffelen T.* The Manchester School in Africa and Israel: a critique // Dialectical Anthropology. 1978. Vol. 3. No. 1. Pp. 67–83.
- Watts* 2004 – *Watts D.J.* The “New” Science of Networks // Annual Review of Sociology. 2004. Vol. 30. Pp. 243–270.
- Wellman* 2001 – *Wellman B.* Physical Place and Cyberplace: The Rise of Personalized Networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. Vol. 25. No. 2. Pp. 227–252.
- Wellman, Leighton* 1979 – *Wellman B., Leighton B.* Networks, Neighborhoods, and Communities: Approaches to the Study of the Community Question // Urban Affairs Quarterly. 1979. Vol. 14. No. 3. Pp. 363–390.
- Wellman, Wortley* 1990 – *Wellman B., Wortley S.* Different Strokes from Different Folks: Community Ties and Social Support // American Journal of Sociology. 1990. Vol. 96. No. 3. Pp. 558–588.

- Willson* 2010 – *Willson M.* Technology, Networks and Communities // Information, Communication & Society. 2010. Vol. 13. No. 5. Pp. 747–764.
- Wilson, Peterson* 2002 – *Wilson S. M., Peterson L. C.* The Anthropology of Online Communities // Annual Review of Anthropology. 2002. Vol. 31. Pp. 449–467.
- White, Houseman* 2003 – *White D.R., Houseman M.* The Navigability of Strong Ties: Small Worlds, Tie Strength, and Network Topology. Self-organization in Strong-tie Small Worlds // Complexity. 2003. Vol. 8. No. 1. Pp. 72–81.
- White, Moody* 2003 – *White D.R., Moody J.* Structural Cohesion and Embeddedness: A Hierarchical Concept of Social Groups // American Sociological Review. 2003. Vol. 68. Pp. 103–127.
- White, Johansen* 2006 – *White D.R., Johansen U.* Network Analysis and Ethnographic Problems: Process Models of a Turkish Nomad Clan. Oxford: Lexington Books, 2006. 544 p.
- Whitten, Wolfe* 1974 – *Whitten N., Wolfe A.* Network Analysis // Handbook of Social and Cultural Anthropology / Ed. J. Honigmann. Chicago: Rand McNally, 1974. Pp. 717–746.
- Young, Willmott* 1957 – *Young M., Willmott P.* Family and Kinship in East London. London: Routledge and Kegan Paul, 1957. 234 p.